

УДК 004 (575.2) (04)

II. МАРИНА ЦВЕТАЕВА О КРИТИКЕ

Н.М. Шевченко

В статье раскрывается отношение Цветаевой к критикам.

Ключевые слова: языковая личность; картина мира; диалог культуры.

Все характеристики критикам в словаре даны через призму цветаевского мировоззрения. Данная номинация представлена 45 именами.

Адамович Георгий Викторович (1892 – 1972) – поэт и литературный критик. С 1923 г. в эмиграции, обосновался в Париже. Постоянно вел отдел критики в “Последних новостях”.

– Адамовича – знаю. Он был учеником Гумилева, писал стихотворные натюрморты, – петербуржанин презирал Москву (6: 683).

Фамилия Адамович не предвещала ничего доброго, – из неудавшихся поэтов, потому злостен. Издал в начале революции в Петербурге “Сборник тринадцати”, там были его контрреволюционные стихи. И, неожиданная формула: обо мне хорошо говорили имена и плохо – фамилии (7 – 9). <...> там, где нужен *Адамович* – не нужна я, возможен Адамович – невозможна я, – не потому что мы поэты разной силы, я Встану и становлюсь рядом с самым *бедным*, а перед Некрасовским: Внимая ужасам войны – как встала на оба колена – так и осталась – но Адамович (и все ему подобные) – не бедный, и даже не нищий духом, а – *немогущий* духом – и не хотящий мочь и не верящий что можно мочь – и не хотящий в это верить – это уже не немота, а нехоть, т.е. самое безнадежное и неизлечимое, ибо не с чего начинать... (7: 620).

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872 – 1928) – известный дореволюционный критик. В 1922 г. выслан из России, Возглавлял критический отдел в берлинской газете.

– Руль! – Розовая вода, журчащая вдоль всех статей Айхенвальда (5: 291).

Айхенвальд в “Руле” опять “ничего не понял” (7: 30).

Критик не судит, он только относится. “Я не понял”, что это, – суждение? Признание. В чем? В собственной несостоятельности. “Непонят-

но” – одно, “я не понял” – другое. Прочел и не одобрил – одно. Прочел и не понял – другое. Так может сказать читатель, так не должен говорить критик (5: 292).

Я не знала, что Каменецкий в Руле – он. Я думала, он зорче. Это любитель письменности, не любовник! (6: 521).

Алданов (настоящая фамилия Ландау) **Марк Александрович** (1886 – 1957) писатель, автор исторических романов, с 1919 г. в эмиграции, был редактором литературного отдела газеты “Дни”.

– Сплетник-резонер – вот в энциклопедическом словаре будущего – аттестация Алданова (7: 307).

Балакшин Петр Петрович (1898 – 1990) – писатель, литературный критик. После революции эмигрировал. Редактор журнала “Земля Колумба” (Сан-Франциско).

– Рада, сердечно рада и Вашей зависти, которая есть не зависть, а чистый восторг, чистейшее из чувств<...> Ваш отзыв, как редактора, да еще из такого далека, *мне* будет большим подспорьем (7: 636).

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867 – 1942), поэт, критик, с 1920 г. в эмиграции.

– Почему я верю Бальмонту? Потому что он большой поэт. И потому что он говорит о любимом. Но не может ли Бальмонт ошибиться? Может – и недавно сильно ошибся – в Х. ...Даже в случае промаха, суд поэта над поэтом (в данном случае – прозаиком) – благо.

Кроме того, можно ли обидеться – в отношении? Ведь вся оценка Бальмонтом Х – явное отношение. Слыша и видя в нем то-то и то-то, он испытывает то-то и то-то. С чем тут спорить. Настолько единолично, что и учесть невозможно. Оценка есть определение вещи в собственном сердце. Отношение вне суда (5: 281).

Бахрах Александр Васильевич (1902 – 1985) – литературный критик, мемуарист. С мая 1920 г. в эмиграции.

– ... Я благодарна Вам за Ваш отзыв в “Днях”. Это – отзыв во всем первичном смысле слова. Вы не буквами на букву, Вы сущностью на сущность отозвались <...>. Я не люблю критики, не люблю критиков (6: 557). <...> Ваша критика умна <...> Вы вежливы, <...> У Вас хороший вкус: <...> Ваша зоркость изумительна (6: 578). Вы доверчивы, у Вас хороший нюх. <...> Спасибо Вам за заботливость. Что я о Вас думаю, что я в Вас верю (6: 615).

Бем Альфред Людвигович (1886 – 1945) – историк литературы, критик, доцент русского языка в Пражском университете.

– Читала статью Бема в Мече. Хорошо. Все-рьез – не только к автору и к поэме, но и к стиху <...> Мне очень нравится – о сложности, которая *несложность*. Тонко и точно (6: 420).

П.П. Гронский в восторге от статьи Альфреда Людвиговича о Белла-Доне. Он прямо – сиял (6: 419).

Брюсов Валерий Яковлевич (1873 – 1924) – писатель, литературный критик.

– Измена романтизму, оскорбление юности в намеренно-небрежной критике молодых поэтов, полная бездарность психодрамы “Прихожий”, – да простится все это Брюсову за то, что в его руках когда-то сверкал многогранный алмаз волшебства (5: 229).

Буданцев Сергей Федорович (1896 – 1940) – русский писатель-прозаик и критик.

– Прихожу в Лито: пустота: Буданцев. “Я пришла узнать про две книги стихов, сданных около году назад. Я бы очень хотела получить обратно рукописи, – ведь ничего, очевидно, не вышло?”

Буданцев, радостно: “Не вышло, не вышло, между нами – Валерий Яковлевич *очень* против вас”. – “Но рукописи живы?” – “Живы, живы, сейчас верну”. Итак, домой с рукописями. Дома раскрываю, листаю, и – о сюрприз – второй в жизни автограф Брюсова! В целых три строчки отзыв – его рукой! (4: 30).

“Стихи М. Цветаевой, как ненапечатанные своевременно и не отражающие соответственной современности, бесполезны”.

Потом Буданцев, при встрече, горячо и трогательно просил отзывы вернуть:–Вам не полагалось их читать, это мой недосмотр, с меня взыщут! (4: 31).

Бунина (урожденная Муромцева) Вера Николаевна (1881 – 1961) писательница, мемуарист. Жена И.А. Бунина.

– Рада, что Вам понравился Волошин. <...> Ваш отзыв из всех отзывов – для меня самый радостный (7: 245).

Вейдле Владимир Васильевич (псевдоним Н. Дашков) (1895 – 1979) – историк искусства и литературы, критик, поэт. В 1921 г. покинул Россию. Автор нескольких статей, посвященных творчеству Цветаевой (7: 638).

– С Верстами вышла передрыга: <...>. В них мои обе вещи “С моря” и “Новогоднее” поэмы названы набором слов, дамским рукоделием и слабым сколком с Пастернака, *как и все мое* творчество. (N3!). Пастернака впервые прочла за границей, в 1922 г., а печатаюсь с 1911 г., кроме того Пастернак, в стихах, *видит*, а я *слышу*... (6: 36).

Пишу Мой Пушкин (прозу) и жду у моря погоды с моими пушкинскими переводами, за устройство которых (с любовью) взялись Слоним и Вейдле, но о которых ни слуху не духу (7: 405).

Поэт, биограф-пушкинист Ходасевич (которого все русские знают) и критик Вейдле *ручуются за точность* моих переводов (7: 644).

Вишняк Марк Вениаминович (1883 – 1977) – эсер, секретарь Учредительного собрания. С 1919 г. жил в Париже, с 1940 г. – в США. Бессменный соредaktor “Современных записок”.

– Мне очень жаль, что моя корректура идет к Вишняку, <...> с Вишняком у меня никакой давности (7: 445).

О, будь они прокляты, Милоковы, Рудневы, Вишняки, бывшие, сущие и будущие, с их ПОДЛОЙ: политической меркой (недомеркой?) (7: 225)... Руднев, которого научил Вишняк, убежденный, что все поэты “немножко не того”, опасается, как бы Современным запискам <...> – за МОЙ рассказ!!! – не нагорело (7: 463).

Нет, *надо* писать стихи. Нельзя дать ни жизни, ни эмиграции, ни Вишнякам <...>, ни всем и так далее – этого торжества: заставить поэта обойтись без стихов, сделать из поэта – прозаика, а из прозаика – покойника (7: 466).

Волошин (настоящая фамилия Кириенко-Волошин) **Максимилиан Александрович** (1877 – 1932) – поэт, критик, художник.

– М. Волошину я обязана первым самознанием себя как поэта и целым рядом блаженных лет (от лето) в его прекрасном суровом Коктебеле (близ Феодосии). И столько еще!.. (6: 402).

Примите мою искреннюю благодарность за Ваши искренние слова о моей книге. Вы подош-

ли к ней как к жизни, и простили жизни то, чего не прощают литературе (6: 39).

Геликон – прозвище А.Г. Вишняка

– Я тогда дружила с Геликоном, влюбленным в мои стихи. Это было черное бархатное ничтожество, умиленное, сплошь на Ш... Геликон, конечно, через неделю после моего отъезда, меня предал и продал: как кот: коты на могилах не умирают! (6: 23).

“Ремесло” мое уже отпечатано, но Геликон почему-то в продажу не пускает (6: 549).

Гете Иоганн Вольфганг (1749 – 1832) – немецкий писатель, мыслитель, естествоиспытатель.

– В суде лирика (отношение) явно преобладает переоценка (посмотреть отзывы друг о друге германских и французских романтиков). В суде этика (оценка) – недооценка. Пример надличного Гете, не доценившего Гельдерлина, не доценившего Гейне, не доценившего Клейста. (Показательная недооценка – именно современников! Тот же Гете, доценивший молодого Байрона и переоценивший Вальтер-Скотта) (5: 282). Пример, как будто разбивающий мое провозглашение суда поэта над поэтом. Но только как будто. Право суда не есть еще право казни. Точнее: приговор еще не есть казнь. Или: казнь еще не есть смерть. Никому – даже Гете – и ничьему слову – даже 80-летнему гетевскому – не дано убить Гейне: есмь! Гете не доценил, а Гейне пребыл. Отзыв Гете о Гейне только лишний стимул к работе. (“Проглядел – увидишь!”) А для нас, через сто лет, стимул к мысли. Гете – и такой промах! (5: 283).

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869 – 1945) – поэт, критик. С 1920 г. за границей.

– Деланное недоумение З. Гиппиус, большого поэта, перед синтаксисом поэта не меньшего – Б. Пастернака (не отсутствие доброй воли, а наличность злой) (5: 292).

Гиппиус свои воспоминания написала из чистой злобы, не вижу ее в любви, – в ненависти она восхитительна. Прочтя первое упоминание о “Боре Бугаеве” (уменьшительное здесь не случайно!) я сразу почувяла что-то недоброе: очень уж ласково, по-матерински... Дальше – больше, и гуще, и пуще, и вдруг – озарение: да ведь это она в отместку за “лорнет”, “носик”, “туфли с помпонами”, весь “Лунный друг” в отместку за “Воспоминания о Блоке”, ей пришлось за свежо полюбить Блока, чтобы насолить Белому! И как она восхитительно справилась: и с любовью (Блоком) и – с бедным Борей Бугаевым! Заметьте, все верно, каждая ужимка, каждая повадка, не только не нэлгано, – даже не прилгано! Но

так по змеиному увидено, запомнено и поведано, что даже я, любящая, знающая, чтящая Белого, Белому преданная! – не могу, читая, не почувствовать к нему (гиппиусовскому нему!) отращения – гиппиусовского же!

Это не пасквиль, это ланцет и стилет. И эта женщина – чертовка (6: 550).

Наивная моралистка З.Г. <...> давно прикидывала, дать или нет Блоку руку, пока Блок терпеливо ждал (15: 355).

Мережковский и Гиппиус – в ярости. М.б. единственное, за жизнь, простое чувство у этой сложной пары. Оба очень старые: ему около 75, ей 68 лет. Оба – страшны. <...> Она – раскрашенная кость, нет, даже страшнее кости: смесь остова и восковой куклы. <...> Их сейчас все боятся, ибо оба, особенно она, злы. Злы – как духи (6: 407).

Готье Теофиль (1811 – 1872) – французский писатель и критик.

– Формула Теофиля Готье (сравнить с гетевской!) – которой столько злоупотребляли и злоупотребляют:

“Je suis de ceux pour qui le monde visible existe” (“Я из тех, для кого видимый мир существует”) обрывается на самом важном: *как средство*, а не как цель! Самоценность мира, для поэта, вздор. Для философа – повод к вопросу, для поэта – к ответу (5: 284).

Демидов Игорь Платонович (1873 – 1946) – журналист, в прошлом – член Государственной Думы, кадет. После революции эмигрировал во Францию. Редактор “Последних новостей”.

– ... Ничем не соответствующему благородному звучанию своего имени (вдобавок – потомок Петра; по боковой линии – из себя – огромный скелет с губами упыря) (6: 422).

Пока Демидов жив – я навряд ли буду у вас печататься, а такие люди иногда до-олго живут. Пока что, он меня выжил (7: 427).

Три месяца вещь лежала в Новостях, и дважды и даже трижды Демидов врал мне, что вещь Милюковым принята. Зная, что такое для нищего – терм... Что мне делать с Демидовым? Ибо он в “Последних Новостях” – *все*. И он меня – не хочет (7: 273).

Зывать к его совести – бесполезно. Он – подл. Нужен – страх. И это еще потомок Петра – о Господи! Меня в редакции очень любят: и Могилевский, и Гронский, и Лодинский, и Берберов и Поляков (и я его – очень!) и Алданов, но все они – ничто перед Демидовым (7: 274).

Дю Босс Шарль (1882 – 1939) – французский писатель, автор многочисленных критических статей и этюдов.

“Это был фанатик великой культуры и ее творцов” – писал о нем Бердяев.

– С Дю-Боссом я раз виделась у Шестова, и он меня помнит, – часто спрашивает обо мне у Извольской. Позвать к себе не решалось – очень уж беспорядочно, да и Мур не даст поговорить (7: 127).

Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884 – 1954) – прозаик, критик, историк театра. Автор рецензии на книгу Цветаевой “Ремесло” (Воля России. – 1924 – № 3).

– 21-го был мой доклад “Поэт и время”. <...> Характерно, что из всех приглашенных <...> пришел только шахматист и литературный критик Зноско-Боровский (6: 401).

Иваск Юрий Павлович (1907 – 1986) – поэт, критик, историк литературы. Во время войны попал в Германию, в 1949 г. переехал в США. Автор статей о творчестве Цветаевой (7: 411).

– У Вас на живую жизнь – дара нет (7: 406). <...> Вы настоящего от подделки не отличаете, верней – подделки от настоящего, оттого и настоящего от подделки. У вас нет чутья на жизнь, живое, рожденное. Нет чутья на самое простое. Вы все ищете – как это сделано. А ларчик просто открывался – рождением (7: 407).

Коган Петр Семенович (1872 – 1932) – критик, историк литературы.

– П.С. Коган ни поэтов, ни стихов не понимал, но любил и читал и делал для тех и других, что мог: и тех, и других – устраивал. И между пониманием, пальцем не шевелящим, и непониманием руками и ногами помогающим (да, и ногами, ибо в те годы, чтобы устроить человека – ходили!), каждый поэт и вся поэзия, конечно выберет непонимание (4: 239).

Ныне, двенадцать лет спустя, не могу без благодарности вспомнить этого очкастого и уса-того ангела-хранителя, ходатая по их земным делам (4: 241).

Кокошкин Федор Федорович (1871 – 1918) – русский общественный деятель.

– Так, больше чем к критикам и поэтам прислушивалась к словам покойного Ф.Ф. Кокошкина, любившего и понимавшего стихи, во всяком случае, не меньше меня. (Общественный деятель) (5: 280).

Кубка Франтишек (1894 – 1969) – чешский писатель, критик, переводчик. Автор книги “Поэты революционной России”, в которой даны творческие портреты Блока, Есенина, Маяковского, Пастернака, Цветаевой (7: 24), (6: 345).

– Есть у меня и маленькая пьеса “Метель” <...> – в стихах, ее бы, я думаю, отлично пере-

вел Кубка. <...> Если Кубка заинтересуется, было бы очень приятно (6: 336).

Луначарский Анатолий Васильевич (1875 – 1933) – писатель, критик, с 1917 г. нарком просвещения.

– Оттого, что Луначарский революционер, он не стал революционным писателем, он не стал революционным поэтом (5: 338).

Маковский Сергей Константинович (1877 – 1962) – художественный критик, редактор литературно-художественного журнала “Аполлон”.

– Он мил, я его люблю. Он глубоко-искренен в своих слабостях, в его устах – они очарование. Кроме того, он по-настоящему глубоко культурен (6: 642).

Мильруд Михаил Семенович (1883 – 1941) – журналист. Соредактор и издатель газеты “Сегодня”.

– Сообщаю с огорчением и не без юмора, что моего Дедушку Иловайского опять выгнали – на этот раз из “Сегодня” <...> в сопровождении очень резкого, почти дерзкого письма, поданного Мильрудовым. (?) (7: 252).

Милюков Павел Николаевич (1859 – 1943) – политический деятель, историк, публицист. Редактор “Последних новостей”.

– Музей мой окончательно закрыт, даже закрыт, с подобающим надгробным словом Милюкова (“пристрастие к некоторым членам Царской фамилии”, – в том-то и дело, что она для него “Фамилия”, для меня – семья) (7: 259).

А тут же слухи, что Милюков вернулся – инвалидом: не читает, не пишет и не понимает. (Последствия автомобильного потрясения.)

Гм... Очень жаль, конечно, хотя его лично терпеть не могу, всю его породу англаизированного бездушия – но все же жаль.

Жаль-то жаль, но зачем давать ему в таком виде – меня на суд?? (7: 269).

Мирский – см. Святополк-Мирский Д.П.

Осоргин (настоящая фамилия Ильин) **Михаил Андреевич** (1878 – 1942) – писатель, критик

– Кстати – озарение! – ведь “последние Новости” родня “Звену”, так что Осоргин (дядя) заступился за племянника (Адамовича). Осоргин – золотое сердце, много раз выручал меня в революцию, очень рада, что – посылно – вернула. Но в “Последние Новости” отныне ни ногой (7: 38).

Поволоцкий Я.Е. (1882 – 1945) – издатель, владелец небольшого издательства и книжного склада.

С Путерманом мы встретились средне: я ему сказала, что Поволоцкий жулик, а оказался его друг (7: 115).

Подгаецкий-Чабров А.А. (1888 – 1935) – актер, режиссер, перешел в католичество и стал священником.

– Чабров – мой приятель, умный, острый... прекрасно понимающий стихи, очень причудливый, любящий всегда самое неожиданное и всегда до страсти!” (5: 684).

Так больше критиков и поэтов ценю слово А.А. Подгоецкого-Чаброва (человека театра) (5: 280).

Поляков Александр Абрамович (1879 – 1971) – журналист, член редакции газеты “Последние новости” вплоть до ее закрытия.

– Я всем говорю: вот если Поляков мне скажет, что моя вещь не подходит – я поверю, и не обижусь, и принесу другую, т.к. я ему верю, и как редактору, и как человеку... (7: 472).

Ремизов Алексей Михайлович (1877 – 1957) – русский писатель.

– Шутить со мной – отсутствие чутья и дурной вкус. Жаль, что их проявил именно Ремизов, *весь* на чутье (7: 28).

Ремизовым не восхищена – не люблю единичного Ремизова, люблю Ремизова *по поводу*, с чужим костяком (6: 318).

С несколько двусмысленной дружественностью <...> прислал мне статейку А. Яблоновского – На-ка, почитай-ка... (7: 75).

Розанов Василий Васильевич (1856 – 1919), философ, писатель, критик.

– Я ничего не читала из Ваших книг, кроме “Уединенного”, но смело скажу, что Вы – гениальны (6: 120).

Я прочла Ваши “Люди лунного света”, это мне чуждо, это мне враждебно, но в “Уединенных” Вы другой, милый, родной, совсем наш (6: 126).

Умилительная вещь: директор здешней мужской гимназии Вас страшно любит, – его настольная книга – Ваш разбор Великого Инквизитора. Даже в таком далеком уголке, как Феодосия, Вас знают многие. Начала читать Вашу книгу об Италии – прекрасно. Вообще: Вы можете написать отвратительно (Ваши “Люди лунного света”), но никогда – бездарно.

Вы поразительно умны, Вы гениально умны и гениально чутки (6: 126).

Роллан Ромен (1866 – 1944), французский писатель.

– Не знаю, любит ли Ромен Роллан стихи, беру крайний случай – что Ромен Роллан стихов

не любит. Но в стихах, кроме стихов (стихотворной стихии), есть еще *все* стихии. Их Роллан любит достоверно. Ни ему во мне наличность стихии стихотворной, ни во мне в нем отсутствие ее – не помешают, помешать не могут.

“Я вам скажу по существу...”. То есть все, что мне нужно (5: 280).

Руднев Вадим Викторович (1879 – 1940) – редактор “Современных записок”.

– Об Иловайском пока получила следующий гадательный отзыв Руднева: “Боюсь, что Вы вновь <...> отступаете от той реалистической манеры <...>, которой написан Волошин” (7: 262).

На терм у меня пока 200 франков от Руднева, который по сравнению с Демидовым оказался моим добрым гением (7: 282).

Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1830 – 1939) – критик, историк литературы. С 1922 по 1932 г. жил в Англии и преподавал литературу в Лондонском университете. В 1932 г. вернулся в СССР.

Сувчинский и Мирский до того не выносят моей прозы (особенно Мирский), что, даже не читав им, отдала прозу о Рильке в Волю России. <...>...внезапно вспомнила, что Святополк-Мирский переводит мою Поэму Горы для какого-то французского журнала (7: 49).

...Прозы Мирский и не видел. Кроме того, он лицемер: говорит, что не умеет переводить, а переводит труднейшую прозу Пастернака. Просто он мою прозу ненавидит (7: 50).

У Мирского умерла мать после короткой болезни. Он чувствует, действует и держится молодцом. Только в больших случаях узнаешь человека (7: 37).

Сент-Бев

– Но можно быть слепым на свое и зрячим на чужое. Бывали примеры. Хотя бы посредственная лирика громадного критика Сент-Бева. Но, во-первых, Сент-Бев писать перестал, то есть поступил по отношению к себе, поэту, именно как большой критик: оценив, осудил. Во-вторых, даже – пиши он дальше, Сент-Бева, слабого поэта, покрывает Сент-Бев, большой критик, вождь и пророк целого поколения. Стихи – слабость большого человека, не больше. В порядке слабости и в порядке исключения. Большому – чего не простишь! (5: 274). За плечами которого большее творческое деяние, стихи писать перестал, то есть – поэта в себе отвергли <...>. Приговор над собой, поэтом, громадного критика Сент-Бева – мне порукой, что он плохого во мне не зовет хорошим. <...> Суд Сент-Бева, критика, над

Сент-Бевом, поэтом – дальнейшая непогрешимость и неподсудность критика (5: 275).

Слоним М.Л.

– В среду доклад Слонима о молодых писателях за рубежом (где он их видел??), пойду исключительно в целях его посрамления (7: 111).

Струве Петр Бернгардович (1870 – 1944) – экономист, публицист, философ.

– Из всех “отзывов” единственный, меня огорчивший, и, вообще, единственный – отзыв Струве. СОВСЕМ НЕ ПОНИМАЕТ СТИХОВ, ни моих, никаких. Френолог бы у него двух шишек не обнаружил: воображения и слуха (7: 39).

Сувчинский Петр Петрович (1892 – 1985) – музыковед, философ, один из основателей евразийского движения.

– Должна предупредить, что Сувчинский моей прозы тоже не любит, хотя не так воинственно, как Святополк-Мирский (7: 49).

О Вас. Вы старше меня, богаче меня, счастливее. Вообще у Вас почти что нет ровни. Умственно – может быть, душевно – может быть, вместе: голова к груди – нет. С знающими Вам скучно, с чующими – глупо. Вам со мной глупо (6: 321).

Я этого человека *не* понимаю и ничего не принимаю в нем, кроме необыкновенной головы (6: 329).

Я хочу, чтобы лучшее, сказанное о Пастернаке и мне было сказано Вами, МУЗЫКАНТОМ, МУЗЫКОЙ. Вы замечательно пишете, ненавидя статьи полюбила вас за статью о Блоке (5: 319).

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886 – 1939) – поэт, литературный критик, историк литературы. С 1922 г. в эмиграции.

– А Ходасевич (можете читать Хвостович!) вовсе и не человек, а маленький бесенок, змееныш, удавеныш. Он остро – зол и мелко – зол, он – оса или ланцет, вообще что-то насекомомедицинское, маленькая отравка – а то, что он сам себе целует руки – уже совсем мерзость и жалобная мерзость, как прокаженный, сам роющий себе могилу <...>

Бог с ним, дай ему Бог здоровья и побольше разумных (обратное: заумных!) рифм и Нин (6: 570).

Хочет – может: вся библиографически-критическая деятельность лирики Ходасевича (5: 282). ... Ходасевич скучен! (5: 579).

Вчера, был совершенно изумительный доклад Ходасевича о Белом: ЛУЧШЕ НЕЛЬЗЯ...

Дал – правду. Как было.

И пьяного Белого дал, и танцующего. Лишнее доказательство, что *большому* человеку – все

позволено, ибо это все в его руках неизменно будет большим.

Вся ходасевичева острота в расположении на этот раз – любви (7: 264).

Словом было замечательно. *Мне* можно верить, п.ч. я Ходасевича никогда не любила (знала цену всегда) и пришла именно, чтобы не было сказано о Белом *злого*, т.е. – лжи. А ушла – счастливая, залитая благодарностью и радостью (7: 265).

Я ему *все* прощаю за *его* Белого (7: 266).

Цуриков Николай Александрович (1886 – 1957) – публицист, сотрудник газеты “Возрождение”.

– Статья г. Цурикова кончается призывом выбросить за борт всю “эмигрантщину”. Состоя сотрудником “Своими путями”, я охотно бы, наравне с остальными “нечистыми”, дала себя выбросить за борт ковчега г. Цурикова, если бы на борту сего ковчега когда-нибудь находилась. Но на борту сего ковчега не находилась никогда, ибо видела, что ковчег – гнилой (5: 273).

Шаховский Дмитрий (Димитрий) **Алексеевич** (1902 – 1989) – поэт, издатель. В 1920-х гг. стал священнослужителем. Впоследствии – архиепископ Иоанн Сан-Франциский. Стихи публиковал под псевдонимом “Странник”.

... Большой умник <...> внимательный читатель, во внимании перещеголял писавшего. (А я ли уж не внимательна!) (7: 33).

– Видите, во всем сошлись, и это не уступка. Я просто доступна воспитанию. Все Ваши отметки – правильны. Спорить нечего. Мне дорога вообще правда: чистота вывода (7: 34).

... чудесный невинный 22-летний редактор Шаховской на днях принимает послух на Афон. Прислал нам собственных, кровных, от полной нищеты – полтораста франков, пятьдесят из которых истратили, а сто возвращаем. Ничего не знаю трогательнее этой присылки – последний жест редактора и первый – монаха (7: 15).

Яблоновский Александр Александрович (1870 – 1934) – журналист, постоянный критик и фельетонист газеты “Возрождение”.

– Кончила большую статью о критике и критиках (здешние – хамы. Почитайте Яблоновского (“Возрождение”) и Адамовича (“Звено”) о Есенине!) (7: 11).

Читали ли вы, как меня честят в газетах? Я – только Яблоновского и Осоргина, а есть еще Адамович и ... Петр Струве! (7: 13).

Яблоновский (настоящая фамилия Потресов) **Сергей Викторович** (1870 – 1953) – журналист, театральный критик.

– 21 был мой доклад “Поэт и время”. В зале ни одного свободного места, слушатели очень расположенные, хоть говорила я резкие правды. Характерно, что из всех приглашенных для обмена мнений людей старшего поколения <...> Ни одного философа, ни одного критика. Только поэты. Трогательно выступал (из публики) старичок Сергей Яблоновский (лет за семьдесят), увидевший во мне (и в моем докладе) – свет – правдивость – бесстрашие (*ego* слова) (6: 401).

Марина Ивановна утверждает: “Оценка есть определение вещи в мире, отношение – определение ее в собственном сердце, отношение не только не суд, само вне суда. Отношению все дозволено, кроме одного, провозгласить себя оценкой” (5: 281). Единственным учителем она счита-

ет “собственный труд, а единственным судьей: будущее”, и святой обязанностью критика быть “Богом путей и перекрестков, двуликим богом, смотрящим назад и вперед” (5: 296).

Имена собственные в творчестве Марины Цветаевой – сложные семантические знаки, способные кратко и емко выражать идеи, ситуации, характер, нормы поведения, через них она осмысливает и выражает важнейшие для нее категории человеческого бытия. Они определяют время и свое назначение в истории, помогают восстановить даже самые, на первый взгляд, незначительные события, несущие на себе культурно-национальные элементы и определяющие духовный рост личности и общества в целом.